

И. Злобный

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

И. Злобный Фантастическая литература // Революция и культура. 1930. №. 2. С. 47–49.¹

Существовала такая точка зрения: чтобы приохотить юношу к чтению, ему нужно давать книги, захватывающие необычайностью сюжета, экзотичностью мест, где разворачивается действие: могучие герои бесстрашием своим и несравненными подвигами возбуждают активность к благородству, действительности, зарядят молодого читателя импульсами жизненной динамичности.

Точка зрения эта поддерживалась педагогами и поощряла целые плеяды авторов на изготовление соответственной продукции. Возникали импортируемые и отечественные Майн Риды, Куперы, Эмары и многие-многие другие, менее талантливые и не столь широко известные. Юноши переживали огромное напряжение: заканчивалась пора детства, надвигалась первоначальная половая зрелость, возбуждавшая миллионы сомнений и трудных эмоций, учеба предъявляла свои требования, нужно было намечать дальнейший жизненный путь, шла голова кругом, день за год работало сердце, а тут Майн-Рид и Купер, которых рекомендуют читать, которых так легко и занятно читать. Кончали юноши среднюю школу и останавливались перед дальнейшим, как перед загадкой сфинксовой: не то в инженеры идти, не то к врачеванию готовиться, — а что выбрать, хоть на пальцах гадай, ибо никаких уклонов для приближения к определенной специальности школа не знала, а воспитателями первоначальными были Майн-Рид и Купер. И юноша, смутно соображавший разницу между факультетами филологическим и юридическим, блестяще знал, что такое лассо, мустанг, прерия, и все эти слова манили его гипнозом сверкающе сильных приключений, переживаний.

Правда, с 14–15 лет читала молодежь и другие книги, получала через хорошую литературу и подлинную общественную зарядку, но начальный юношеский возраст неизменно отравлялся голым,

индивидуалистическим приключенчеством, противопоставлением себя — героя — неизменной, трусливой, глупой среде.

Чисто фантастические романы того типа, который обессмертил Жюль Верн, при всех своих достоинствах причиняли объективно вред немалый. Они тоже размагничивали молодежь, уводили их из текущей действительности в новые непохожие на окружающее миры и показывали, будто миры эти легко доступны, — стоит только быть бесстрашным и предприимчивым, а остальное все дастся само собой. В фантастичности этих романов было много научно-трезвого предвидения, читателю подавались перспективы возможных достижений человеческого разума, но все это обволакивалось занимательностью приключения, успех награждал не столько людей мысли, сколько ловкачей авантюризма.

Ясна была во всей этой литературе и социологическая установка. Капитализм завоевывал себе плацдарм в странах примитивной культуры, конквистадоры поощрялись и воспевались как пионеры новой жизни среди «дикарей» Америки и Африки, которых нужно было поработить, а кое-где даже совсем физически уничтожить. В среде индейцев и негров оказывались «хорошие» экземпляры, они помогали культутрегерам водки, пороха, христианства и сифилиса внедряться в среду цветных людей, и этих следопытов описывали сочувственно, а остальных изображали коварными, бесчувственными людоедами, годными только на исполнение обязанностей живых мишеней для предприимчивых колонизаторов.

Империалистических тенденций своих авторы и не скрывали и разлагали ядом чело­веконенавистнической пропаганды миллионы своих юных читателей. Этот яд всасывался в психику незаметно, а сильнее и выразительнее сказывался другой результат: воспевание личной предприимчивости, изворотливости и доблести порождало пренебрежение к будням малых дел, ребята убежали из дома, по шпалам прокладывали себе путь в Америку, и когда их насильственно возвращали под отеческую кровлю, они чувствовали себя рабами, из-под палки вынужденными влачить ярмо быта и учебы.

Революция в этот уголок всяческой некультурности, к сожалению, решающих изменений не внесла. Прежние любимые писатели начинающих свою юность ребят не окончательно изъяты из употребления. Их школьники легко достают и читают по-старому вза­сос. Причин этой тяги к приключенческой книжке очень много: старый быт крепко подорван, но далеко еще не разрушен, а в отдельных семьях еще очень силен; обстановка житейская плоховата: у детей нет своего угла, из-за бюджетных нехваток они плохо снаб-

жаются тем, что их привлекает; в школе общественность развита слабо: имеются твердые постановления, — на 100 процентов охватить школьников кружками, но подлинно работает в кружках едва ли не десятая часть мальчиков и девочек; проблем новых перед ребятами поставлена уйма, пытливость возбуждена, читать хочется страстно, а читать почти нечего. Именно так, почти нечего. Гражданская война отражена в нескольких юношеских книжках. Отражена неблестяще, но главное очень скупо: мало книжек этих. С сегодняшней же действительностью дело обстоит из рук вон плохо, а между тем...

Традиции приключенчества в литературе живучи. За советское время написан целый ряд романов, аналогичных по духу своему майн-ридовщине. К такого рода творчеству руку свою приложил даже маститый Алексей Толстой. И вред от этих романов вряд ли меньший, чем от всей прежней литературы авантюрного толка. Научно-фантастический роман несколько преобразился: в нем авторы пытаются художнически разрешать вставшие на очередь научные проблемы, раскрытие которых приведет человека к одолению всего того, что доселе считалось недосыгаемым, потусторонним. Но и у этих романов грех в том, что они возбуждают чисто-индивидуалистические настроения читателя («если я буду бесстрашен и ловок, я достигну желаемого») и отвлекают его внимание от действительности то в межпланетные пространства, то в недра земные, то в пучины морей.

Капитализму нужны были трудовые, прокладываемые огнем и мечом пути для овладения новыми рынками. Нам такие завоеватели не нужны. Взамен их время требует строителей коллективистического хозяйства и быта, в котором героизм отдельной личности наименьшее по ценности качество. Утверждение социализма сопровождается капитальнейшими трудностями. Одолевать их приходится в известной части и совсем юным ребятам. Трудности всякого большого дела тяжело бьют по современникам, оттого трудности эти целиком в поле зрения остро осязаются во всей их реальности. Зато перспективы стройки с лесов ее усваиваются туго. А между тем, что может быть героичнее труда над созданием такого порядка жизни, при котором всем жилось бы полностью хорошо, отсутствовали бы даже самые отдаленные намеки на неравенство, насилие, нужду. И вот героизм этого труда, да еще сопряженного с лишениями, остается за пределами внимания авторов юношеской книги. Говорят они (те, с кем приходилось разговаривать), что ребячий возраст требует романтики, для юных годов будни — тусклы.

Рис. 1. Всадник без головы: В 3-х сериях с участ. Гарри Пиль: [плакат]. [Б.м.]: Издание Совкино, [1926]. (Типо-хромолитография «Искра революции»)

И потому в своих так называемых романтических повестях и рассказах продолжают они поворачивать ребят в сторону от жизни. Книга продолжает подаваться им как особое ярко-пряное лакомство, тогда как должна быть прямым учебным руководством, раскрывающим будущему взрослому активисту глаза на роль его в практической жизни. Рафинируя в них приключенческим авантюризмом сосредоточенность на себе, на своих особых выдающихся свойствах и способностях, на умения в одиночку одолевать коварные смертельные опасности, авторы юношеской развлекательной книги оказывают ребятам медвежью услугу. Книжка такого склада прокладывает ребятам из неустроенного домашнего распорядка мостик в кино, где Гарри Пиль² продемонстрирует показ практики авантюризма.

Было бы смешно выдвигать положение, что детям в книгах нужно подносить нечто обязательно сухое, поучительное. Это было бы нелепо и вредно. Но от занимательного до вредного, культивирующего индивидуалистические наклонности — немалая дистанция. Книга о нынешнем — в сущности обязательно рассказ о будущем, ибо все наше сегодня только подготовка всеми чаемого завтра. И вот задача автора-мастера найти форму, в которой этот рассказ о сегодня, существующем для завтра, был бы развернут занимательно сюжетно, ярко по части образов и увлекательно по всем отдельным ситуациям. Тут могут быть и приключения самого разнообразного

толка, и затруднения, и препятствия, но все это не просто препятствия ради необходимости их героически одолевать, а те ступеньки, беря которые, юный читатель вместе со сверстниками подымается по лестнице, ведущей на вершины коммунизма. О том, что книга должна быть именно такой, говорят сами ребята. Автор «Макарки Следопыта» Остроумов³ побывал на Родниках и беседовал с детьми тамошних текстилей. Он спросил аудиторию, нужно ли снова писать о Макарке.

Ребята ответили:

—Нужно.

—А кем он теперь должен быть?

—Бригадником. Изобретателем. Организатором соцсоревнования.

Десятки ребят сказали одно и то же.

Герой юношеской книжки должен быть участником коллективного преобразования трудностей сегодняшнего в социалистическое прекрасное будущее.

Таково мнение потребителя юношеской книги.

Прислушался бы к нему и автор — производитель ее.

Примечания

¹ Личность автора, писавшего под этим псевдонимом, установить не удалось. (Прим. ред.)

² Гарри Пиль — творческий псевдоним немецкого киноактера и режиссера Губерта Августа Пила (1892–1963), прославившегося ролями в приключенческих фильмах с использованием пиротехники. Фильмы с участием Гарри Пила выходили в советском кино. (Прим. ред.)

³ Речь идет о приключенческой повести Льва Остроумова «Макар-следопыт» (1925–1926), вышедшей в трех книгах. Главный герой повести — деревенский мальчик, ставший в годы гражданской войны разведчиком в Красной Армии. Беседа с детьми, вероятно, связана с работой Л. Остроумова в комиссии по созданию новой детской книги при Отделе детучреждений ВЦИК в 1920-е гг. (Прим. ред.)